

**Е. М. Колосова,
И. В. Лихолетова¹**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ УЧИТЕЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ СОРОКА-РОСИНСКИЙ

*Не хочу я гнить как ива на болотной кочке где-то.
Я хочу сгореть от молний, словно дуб в разгаре лета.*

Шандор Петефи

Образ строгого, но обаятельного, талантливое учителя Викниксора из книги Г. Белых, Л. Пантелеева и художественного чёрно-белого одноимённого фильма «Республика ШКИД» даже сегодня никого не оставляет равнодушным, хотя речь в них идёт о 20-х годах прошлого века — времени становления новой, после-революционной советской школы.

Но далеко не все знают, что все события происходили на самом деле, и Виктор Николаевич Сорин — Викниксор — реальное лицо, а прототипом персонажа послужил действительный заведующий школой социально-индивидуального воспитания имени Ф.М. Достоевского (Старо-Петергофский пр., д. 19), замечательный

¹ **Колосова Екатерина Матвеевна** родилась в Ленинграде, окончила исторический фак. Ленинградского гос. пед. института им. А.И. Герцена (в настоящее время — РГПУ им. А.И. Герцена). Кандидат педагогических наук, доцент. С 1983 года — директор музея РГПУ им. А.И. Герцена. Автор более 200 монографий, учебных пособий и публикаций, посвящённых истории образования, петербургско-ленинградской школе, краеведению, музееведению. Почётный работник высшего проф. образования РФ, член Творческого союза работников музеев СПб и ЛО, член Президиума Ассоциации музеев вузов СПб. Живёт в Санкт-Петербурге.

Лихолетова Ирина Викторовна родилась в Москве, окончила Российский гос. педагогический университет им. А.И. Герцена. Главный хранитель фондов музея РГПУ им. А.И. Герцена, в музее университета работает с 2001 года. Член творческого Союза музейных работников СПб и ЛО. Имеет ряд публикаций по истории российского образования и истории РГПУ им. А.И. Герцена. Живёт в Санкт-Петербурге.

педагог Виктор Николаевич Сорока-Росинский (1882–1960). Естественно возникает вопрос, каким был на самом деле один из главных героев повести? Ответить на него помогают, прежде всего, архивные материалы, часть которых хранит Музей истории РГПУ им. А.И. Герцена. Фонд музея постоянно пополняется новыми сведениями и активно изучается как студентами, так и учёными из разных городов; в фонде имеется ряд публикаций и книг как о Викторе Николаевиче, так и его работы. И, наконец, в музее регулярно проходят памятные встречи, посвящённые учителю и его ученикам.

Родился Виктор Николаевич 26 ноября 1882 года в городке Новгород-Северске, ныне Черниговской области, близ которого было небольшое имение его отца, потомственного военного, Николая Михайловича Сороки. Мать Виктора Николаевича носила фамилию Россинская, она происходила из семьи священников небольшого городка Золотоноши. Женщиной она была строгой, властной и решительной, по воспоминаниям внука, бабушка Татьяна Капитоновна Россинская получила образование по тем временам хорошее и целью жизни поставила сделать своему единственному сыну блестящую карьеру. Намерение Виктора стать военным она решительно пресекла в самом зародыше и по окончании им гимназии настояла на поступлении в Петербургский университет, отправившись для верности в столицу вместе с сыном.

В 1901 году сын поступил в университет на историко-филологический факультет, по окончании которого в 1906 году стал преподавать в гимназиях Петербурга (позже Петрограда). Затем интерес к психологии привёл его в Военно-медицинскую академию, где он проработал два года в психологической лаборатории А.Ф. Лазурского. Активно В.Н. Сорока-Росинский занимался научной и литературной деятельностью. Ещё первые его студенческие статьи были вопросам психологии. Позже появились работы по вопросам воспитания и обучения. Его статьи систематически публиковались в журналах «Вестник воспитания», «Русская школа», «Народный университет». В этих работах, являющихся отражением реального педагогического опыта, большое внимание

В 1901 году сын поступил в университет на историко-филологический факультет, по окончании которого в 1906 году стал преподавать в гимназиях Петербурга (позже Петрограда). Затем интерес к психологии привёл его в Военно-медицинскую академию, где он проработал два года в психологической лаборатории А.Ф. Лазурского. Активно В.Н. Сорока-Росинский занимался научной и литературной деятельностью. Ещё первые его студенческие статьи были вопросам психологии. Позже появились работы по вопросам воспитания и обучения. Его статьи систематически публиковались в журналах «Вестник воспитания», «Русская школа», «Народный университет». В этих работах, являющихся отражением реального педагогического опыта, большое внимание

В 1901 году сын поступил в университет на историко-филологический факультет, по окончании которого в 1906 году стал преподавать в гимназиях Петербурга (позже Петрограда). Затем интерес к психологии привёл его в Военно-медицинскую академию, где он проработал два года в психологической лаборатории А.Ф. Лазурского. Активно В.Н. Сорока-Росинский занимался научной и литературной деятельностью. Ещё первые его студенческие статьи были вопросам психологии. Позже появились работы по вопросам воспитания и обучения. Его статьи систематически публиковались в журналах «Вестник воспитания», «Русская школа», «Народный университет». В этих работах, являющихся отражением реального педагогического опыта, большое внимание

уделялось созданию новой школы. Большой педагогический опыт Виктор Николаевич приобрёл в передовом коммерческом училище Путиловского завода, где работал с 1918 года. В 1920 году, В.Н. Сорока-Росинский с группой педагогов-единомышленников, товарищей по Путиловскому училищу — Э.А. Люминарской, К.А. Меденниковым, А.Н. Поповым, — составивших надёжное ядро педагогического коллектива, организовал и возглавил школу-коммуны им. Ф.М. Достоевского для трудно-спитуемых детей, где проявил себя выдающимся педагогом-гуманистом.

Э.А. Россинская

В.Н. Сорока-Росинским были сформулированы принципы новой педагогики коллектива, как наиболее необходимого инструмента для воспитания, в особенности «трудных» детей и подростков. Этой проблематикой он занимался всю оставшуюся жизнь, хотя их за «трудных» и не считал. Вместе с Э.А. Люминарской, его женой и соратницей, по воспоминаниям их сына Константина «...они не только любили детей, как многие отцы и матери, для которых все родные дети одинаково дороги, сколько бы их ни было, но они были начисто лишены чувства собственников, отделяющих невидимой стеной своё “чадо” от других, “чужих” детей». Элла Андреевна была безоговорочным сторонником «системы Викниксора», которую он сам именовал «суворовской педагогикой».

Увлечённость Виктора Николаевича каким-либо делом или процессом обучения передавалась ребятам не навязчиво, зажигая в них искры живого интереса. Недаром почти все его ученики вспоминают, как совершенно добровольно и с радостью они учились, далеко выходя за временные рамки стандартного учебного процесса. Бывший воспитанник ШКИД, писатель Л. Пантелеев, один из авторов книги писал: «В ШКИД мы и зимой, и летом проводили за партами по десять и больше часов и не чувствовали при этом никакой усталости, ни малейшего переутомления. Наоборот, учёба для нас была высочайшей радостью. А весь день мы находили ещё время и для чтения, и для игры, и для бурной издательской деятельности, и для театральных постановок, и для активной работы в обществе “Старый Петербург — Новый Петроград”. И для бузы». Далекое не каждому учителю удаётся так

организовать учебный процесс, чтобы дети и не переутомлялись, и не теряли мотивации к обучению, чтобы познание нового было в радость, а не в тягость. Но эта неутомимая учёба не была самоцелью, да и не могла ей стать у бывших беспризорников.

Вот что сам Виктор Николаевич пишет об этом: «Учиться, чтобы добыть себе путёвку в жизнь, так сказали бы мы теперь. Учиться, чтобы “выйти в люди”», так сказали тогда шкидцы. Это стало их девизом, это звучало в их гимне. Вот для чего понадобилось нам возложить на наших питомцев такое бремя. Вот во имя чего они могли учиться по 10 часов в день. Учёба — вот что у нас было главнейшим оружием перевоспитания».

С первых дней советской власти В.Н. Сорока-Росинский, тесно связавший свою судьбу с построением новой школы, стремился развивать в ней дух демократизма, сотрудничества, инициативы, самостоятельности. Он глубоко понимал, последовательно развивал и внедрял в жизнь, применительно к конкретным условиям, основополагающий принцип жизни школы — принцип игры: «...Может быть, в этом игровом и состязательном начале, — писал он, — кроются такие резервы, до сих пор не использованные, какие позволяют поставить всё школьное дело по-иному».

Тот, кто читал повесть «Республика Шкид» и смотрел фильм, знает, что ШКИД отнюдь не была институтом благородных девиц. Нет, это было учебно-воспитательное заведение совсем другого рода. Сюда приводили со всех концов Петрограда самых отъявленных бузовиков, воришек, и малолетних преступников. Процветали в школе и воровство, и картёжные игры, и ростовщичество. Бывали и жестокие драки. Ни на минуту не утихала война между «шкидцами» и «халдеями» (так ребята прозвали педколлектив).

Но было и другое. Как уже упоминалось, ребята учились — и учились охотно, без принуждения — по десять часов в день. А ещё они много и с увлечением читали, изучали иностранные языки (особенно немецкий), писали стихи. И даже активно занимались издательской деятельностью. Было время, когда в этой крохотной республике с «населением» шестьдесят человек выходило около шестидесяти газет и журналов!

Но всё это (или почти всё) в фильме, к сожалению, отражения не нашло. Также не удалось авторам книги правдиво отразить саму личность Викниксора и его педагогические взгляды. Но было бы трудно от них этого ожидать — и из-за возраста авторов, и из-за «детского» взгляда изнутри на жизнь ШКИД и, конечно,

в силу того, что «Республика ШКИД» — произведение художественное, а не биографическое, не претендующее на документальную точность.

Но именно это и сыграло роковую роль в педагогической судьбе Виктора Николаевича Сороки-Росинского. В 1925 году он ушёл из ШКИД и был назначен заведовать 39-й школой Центрального района, расположенной на Невском проспекте во дворе действовавшей тогда ещё католической церкви Св. Екатерины. В 1927 году увидела свет книга «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелева. Успех этой книги, как это ни парадоксально, неблагоприятно сказался на положении Виктора Николаевича в школе. Образ Викниксора — педагога и вся его система воспитания в местном педагогическом мире были восприняты весьма неодобрительно. Кроме того, в 1930-м году вышла ещё одна книга о ШКИД, также написанная бывшими воспитанниками, — П. Ольховским и К. Евстафьевым — «Последняя гимназия». Правда она такого резонанса и откликов, как «Республика ШКИД» не собрала. Но из-за этих публикаций школа Достоевского обрела неслыханную популярность. К. Россинский отмечает, что в ГОРОНО и РОНО ни для кого не было секретом, что В.Н. Сорока-Росинский был прототипом Викниксора, и это не замедлило сказаться на его взаимоотношениях с руководством этих органов и инспекторами.

Позже, мучимый многолетними противоречиями вызванными превратным восприятием общественностью его взглядов и принципов, основанных на художественном полувывымысле, он сам напишет книгу «Школа Достоевского». В ней он обобщил свой педагогический опыт, высказал ряд положений по перестройке школы, которая в то время очень отставала от жизни. «Видел он и перспективы, которые открывались перед школой, и воочию представлял себе, каким путём идти учителю, — написал его сын в своих воспоминаниях об отце. — Но многим из его противников он представлялся документным

В.Н. Сорока-Росинский в центре.
Фото 1920-х годов

“Дон-Кихотом”, который досаждал им своими поисками и экспериментами, портил им всю картину бумажного канцелярского благополучия. Да и «Дон-Кихот» этот, в отличие от безвредного героя Сервантеса, отличался ядовитым сарказмом.

В ряду самых непримиримых критиков Викниксора, как заведующего ШКИД, находился и А.С. Макаренко. Уже в 1937-м году, через 10 лет после выхода книги, в своей статье «Детство и литература», наряду с другими книгами о правонарушителях, Макаренко подверг самому суровому анализу книгу Белых и Пантелеева: «...эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи».

В.Н. Сорока-Росинский читал все отзывы. Высоко оценивая работу самого Макаренко, он, однако, считал возможным провести параллель между его и своей работой. Он говорит о некотором тождестве своей судьбы с судьбой Макаренко. Ведь и тот был не понят и не принят, ведь и его обвиняли в буржуазных идеях, в том, что он идёт не в ногу со всей советской педагогикой, и он также был снят со всех должностей... Несмотря на это, понимание у Макаренко В. Н. Сорока-Росинский не нашёл.

К тому же, для семьи то время настали трудные времена: первым ударом явилась смерть матери Виктора Николаевича, Татьяны Капитоновны, которую он очень любил и всегда был к ней по сыновьи внимателен. Новым несчастьем явилась неизлечимая болезнь приёмной дочери. Лучшие врачи оказались бессильны, и девочка медленно угасала на глазах родных.

Одновременно с заведованием 39-й школой Виктор Николаевич состоял ассистентом Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена на отделении социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН), готовившим воспитателей для работы с беспризорными и трудными детьми, а также с осуждёнными подростками. Сюда его пригласил известный в то время юрист, организатор первой в России комиссии по делам несовершеннолетних, профессор П.Г. Бельский, с которым Виктор Николаевич был близок по работе ещё с дореволюционного времени. П.Г. Бельский возглавил кафедру педагогики трудного детства. Факультет считался одним из сильнейших в институте и по контингенту студентов, и по профессорско-преподавательскому составу. Виктор Николаевич работал с такими профессорами, как первый детский судья в России Н.А. Окунев, организатор особых судов по делам несовершеннолетних, П.И. Люблинский, дефектолог А.С. Грибоедов, педагог А.С. Гинтовт, будущий академик К.М. Быков

и другими деятелями, внесшими значительный вклад в дело организации борьбы с детской преступностью и беспризорностью.

Но в 1928-м году Виктор Николаевича ждал новый удар: воспользовавшись критикой в адрес его литературного «двойника» Викниксора, его недруги решили от него избавиться, запретили работать в средней общеобразовательной школе. В этом праве он был восстановлен лишь в 1936-м году. В этот период В.Н. Сорока-Росинский преподавал в классах Торфяного техникума для трудновоспитуемых (1928 г.), а с 1933 года — в школе для психоневротиков при Ленинградском педологическом институте, и одновременно — до закрытия института в 1936 году — работал его научным сотрудником. С 1936 года Виктор Николаевич занимается подробной разработкой методики преподавания русского языка в средних классах.

В начале Великой Отечественной войны педагог остался в блокадном Ленинграде. Он продолжал учить ребят своей 210-й школы, писал в газеты, несмотря на всё ухудшавшееся здоровье. Много тяжёлого выпало на его долю, но самым мучительным первое время для него было одиночество: Элла Андреевна эвакуировалась на Кавказ вместе с Педагогическим институтом имени М.Н. Покровского, в котором она преподавала. В августе 1942 года Виктора Николаевича, дошедшего до крайней степени дистрофии с обострившимися заболеваниями сердечно-сосудистой системы, прогрессирующей глухотой и ухудшением зрения, к счастью, удалось эвакуировать на Алтай, в Ойрот-Туру (ныне Горно-Алтайск). По дороге у него украли чемодан со всем его убогим имуществом, рукописями и документами. Осталось только то, что было в карманах, — паспорт, профсоюзный билет и пенсионная книжка. Несмотря на нездоровье, В.Н. Сорока-Росинский продолжал активно работать: преподавал в школе, проводя до 50 уроков в неделю (меньшую нагрузку ему казалось «неудобным» брать в трудное военное время), читал лекции в местном педучилище, в спецшколе ВВС и на учительских курсах.

И тут он приобрёл всеобщую детскую любовь и признание. В.Н. Сорока-Росинский позже отмечал, что работа в Горно-Алтайске очень обогатила его методический опыт. Несмотря на множество трудностей, он имел здесь, как и в ШКИД, неограниченную свободу действий, мог смело экспериментировать, как подсказывали ему его опыт и интуиция учителя.

Спустя четыре года, надеясь найти лучшую обстановку для начатой им научно-исследовательской работы, он переехал

в Киргизию в город Пржевальск Иссык-Кульской области, где с головой ушёл в работу: преподавал на курсах учителей средних классов и в учительском институте, часто бывал в школах Пржевальска и области, внимательно знакомился с методикой преподавания в них. Также он состоял внештатным инспектором ГОРОНО.

Осенью 1948 года Виктор Николаевич вернулся в Ленинград и стал преподавать сначала русский язык и литературу в 233-й женской школе (с 1948 по 1953 год), затем в 260-й школе, откуда, как гласит запись в его трудовой книжке, был «отчислен из состава учителей».

Теперь в его жизни мало что менялось, но жить без детей он по-прежнему не мог. Л. Пантелеев описывает последние годы жизни Виктора Николаевича так: «...и в этом преклонном возрасте жил не по-стариковски деятельно: писал историю своих педагогических взглядов, сотрудничал в газетах и журналах, составлял какие-то методические пособия для школы. И постоянно над кем-то шефствовал, кого-то опекал». Педагогическая работа продолжилась, но уже на дому: из ребят окрестных школ и семей он организовал домашнюю «академию», куда ребята приходили не только заниматься, подтягивая школьные «хвосты». Своих «академиков» Виктор Николаевич увлекал литературой, историей, учил разбираться в музыке и искусстве. Несмотря на нездоровье, он бродил с ними по городу, ездил на острова. Ленинград он очень любил, знал его досконально и старался привить эту любовь всем детям. Состав этой ребячьей «академии» не был постоянным, занимались в несколько смен, преобладали в ней его любимые

«трудные» неслухи. Одним он помогал выкарабкиваться из завала двоек, с другими просто ходил в театр или кино, рассказывал им тьму интересных вещей.

Виктор Николаевич нелепо, трагически попал под трамвай. Он очень плохо видел и слышал, поехал за билетами в панорамное кино — хотел отпраздновать первую пятёрку своей любимой воспитанницы Верочки, и в темноте не

У могилы учителя Т.А. Троянкер и М.А. Разживина бывшие ученицы.

Фото 2007 года

